5-26

13. 20. 99.

БИБЛІОТЕКА
ОБЩЕСТВА ДЛЯ ДОСТАВЛЕНІЯ СРЕДСТВЪ
ВЫСШИМЪ
ЖЕНСКИМЪ КУРСАМЪ.

Шкафъ XXXVII XXIV 15 т. I
Полка 6 5 4.
№ 18 5 52.

Б-26

Егору Егоровичу Замысловскому
отъ искренняго уваженія
27 Сент. 1880.
авторъ.

КЪ ПЯТИСОТЛѢТІЮ

КУЛИКОВСКОЙ БИТВЫ

(8 Сентября 1380 года).

Лекція, читанная въ пятисотлѣтнюю годовщину ея, 8 (20) сентября 1880 г., при открытіи курса русской исторіи, въ Императорскомъ Варшавскомъ Университетѣ.

Н. П. БАРСОВЫМЪ,

Э. О. Профессоромъ и Библіотекаремъ Университета.

422

БИБЛІОТЕКА
О-ва для достав. средствъ
В. Ж. КУРСАМЪ.

89/97

БИБЛІОТЕКИ
Егора Егоровича
ЗАМЫСЛОВСКАГО

Ген. Гос.
НАУЧНАЯ БИБ... ТА
им. Горького

ВАРШАВА.
Въ типографіи **К. Ковалевскаго**, Королевская, 23.

1880.

Дозволено Цензурою.
Варшава, 20 Сентября 1880 года.

Борьба съ востокомъ, какъ постоянное явленіе въ исторіи европейской цивилизаціи. — Греція и Римъ. — Значеніе Византіи. — Политика Византіи относительно народовъ восточно-европейской равнины. — Казарія. — Русскія земли. — Борьба древней Руси съ степняками и ея вліяніе на ходъ Русской исторіи. — Татарскій погромъ. — Его вліяніе на судьбу Русскихъ земель. — Галичина.—Отношенія Татаръ къ сѣверо-восточной Руси. — Перемѣна въ характерѣ велико-княжеской власти. — Москва. — Начало государственнаго объединенія сѣверной Руси и борьбы съ Татарами. — Куликовская битва и ея значеніе.

Открытіе нынѣшняго курса древней русской исторіи въ нашемъ Университетѣ совпадаетъ со днемъ пятьсотлѣтней годовщины событія, знаменательнаго не только въ исторіи Россіи, но и всей европейской цивилизаціи, событія, о которомъ долженъ вспомянуть каждый, кому дороги ея судьбы и интересы. Я говорю о знаменитой битвѣ сѣверно-русскихъ ратей съ Татарами, совершившейся ровно пятьсотъ лѣтъ тому назадъ, 8 Сентября 1380 г., на берегахъ Дона и Непрядвы. Значеніе этого событія такъ велико, такъ всеобъемлюще для нашей исторіи, что я считаю цѣлесообразнымъ характеристикою этого значенія открыть предстоящія намъ занятія и воспользоваться имъ для-того, чтобы установить ту общую точку зрѣнія, съ которой намъ будетъ открываться исторія восточно-европейской равнины.

Однимъ изъ постоянныхъ и характеристическихъ явленій въ исторіи европейской цивилизаціи представляется борьба съ востокомъ, которая въ разное время принимала различный характеръ, въ которой враждu-

ющія стороны выступали подъ разными знаменами; но сущность этой борьбы оставалась неизмѣнною; она можетъ быть характеризована, какъ борьба плоти и духа, какъ борьба народныхъ массъ, въ которыхъ преобладаетъ физическая сила, и которыхъ внутреннія отношенія опредѣляются болѣе изъ—внѣ, непосредственно природными условіями, съ политическими организмами, въ которыхъ находитъ себѣ выраженіе разумъ, которые создаются и развиваются, благодаря животворному стремленію народовъ къ сознательной жизни. Борьба эта началась съ первыхъ проблесковъ цивилизаціи; ея признаки можно видѣть еще въ исторіи избраннаго народа Божія, въ его отношеніяхъ къ враждебнымъ азійскимъ сосѣдямъ; но только съ раскрытіемъ основъ цивилизаціи на европейской почвѣ, она обнаруживается вполнѣ: древній греческій міръ отстаиваетъ себя отъ деспотической монархіи Персовъ, а въ лицѣ своего питомца, Македонскаго завоевателя, изъ оборонительнаго положенія относительно востока переходитъ въ наступательное. Преемникъ Греціи, Римъ продолжаетъ эту борьбу, и учрежденіемъ всемірной имперіи ставитъ востоку неодолимыя преграды. Являясь охранительницею цивилизаціи и ея внутренняго роста, Римская республика, а потомъ монархія становится сама могущественнымъ орудіемъ быстраго и всеобщаго распространенія новаго великаго ея двигателя — христіанства. Извѣстно, какіе средства пропаганды новое ученіе нашло въ государственной централизаціи всемірной имперіи, въ общеизвѣстности языковъ правительства и литературы, даже въ самыхъ путяхъ и способахъ сообщенія, связывав-

шихъ ея неизмѣримыя разстоянія. Но признаніе христіанства государственною религіею потребовало новаго сосредоточія имперіи, ибо объусловленный имъ новый государственный строй шелъ въ разрѣзъ съ воспоминаніями, завѣщанными древнимъ Римомъ. Политическій центръ имперіи былъ перенесенъ въ Византію. Но этотъ Новый Римъ не могъ замѣнить древняго, ни подорвать его значенія, и имперія распалась на двѣ монархіи, которымъ суждено было идти разными дорогами, но имѣть одинаково важное значеніе въ судьбахъ человѣчества.

Древній Римъ палъ отъ варваровъ, нахлынувшихъ съ сѣвера; но покоренный и разрушенный, онъ передалъ имъ основы своей культуры. Установившіяся на его развалинахъ германскія и романскія народности продолжаютъ завѣщанное древностью дѣло цивилизаціи; они открыли для человѣческаго развитія новыя стороны духовной и матеріальной жизни. Они создали и выработали политическіе и нравственные идеалы, которыми живетъ наше время. Они покорили христіанской цивилизаціи страны, не только недоступныя, но и невѣдомыя древнему Риму. Другое назначеніе было Византіи. Поставленная на юго-восточной окраинѣ Европы, она была призвана служить оплотомъ для своихъ европейскихъ собратій отъ опасности, постоянно грозившей со стороны Азіи, и эта оберегательная роль отразилась на ея внутренней жизни, порядокъ и строй которой поддерживался не свободнымъ развитіемъ жизненныхъ началъ населенія, а строгимъ соблюденіемъ установившихся формъ и отношеній. Сама по себѣ Византія вносила мало новаго въ общую сумму европейской образованности; она представляетъ въ ней

начало охранительное, консервативное. Тѣмъ не менѣе значеніе ея въ исторіи велико, и заслуга по отношенію къ западно-европейскимъ народамъ неизмѣрима. Только подъ ея охраною со стороны востока могъ совершиться тягостный и медленный, въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ длившійся процессъ выработки этихъ народовъ, и установки новыхъ основъ политическаго и общественнаго строя. Только за стѣнами Византіи они могли безопасно пережить первые вѣка своей исторіи, періодъ слабости и внутренняго броженія. Что сталось бы съ европейской исторіей, если бы Византія не задержала могущественнаго разлива арабскихъ завоевателей, — еслибы имъ не пришлось добираться до Европейскаго материка, вокругъ Византійскихъ владѣній, черезъ сѣверную Африку, и остановить свои передовые посты въ Европѣ у Пиринеевъ? Говорятъ, что вопросъ о господствѣ мусульманства въ Европѣ былъ рѣшенъ франкскимъ вождемъ, нанесшимъ Сарацинамъ пораженіе въ извѣстной битвѣ, на поляхъ Пуатье (732); но онъ былъ еще раньше рѣшенъ въ семилѣтней кровавой борьбѣ подъ стѣнами Царяграда (670—678).

Роль Византіи этимъ не ограничилась. Ея сѣверныя порубежья въ Дунайской низменности и въ припонтійскомъ краю прилегали къ южно-русскимъ степямъ, которыя, непосредственно сливаясь съ равнинами Азіи, издавна привлекали оттуда толпы кочевниковъ, въ теченіи вѣковъ непрерывно смѣнявшихъ другъ друга. Начиная съ V в. отъ Р. Хр., Скиѳскія и Сарматскія племена, Язиги, Роксолане, Аланы, Гунны, Авары, Болгаре, Угры проходятъ здѣсь нестрой-

ною и пестрою чередою. Не довольствуясь обладаніемъ этой богатой равнины, и господствомъ надъ туземнымъ осѣдлымъ населеніемъ,—можетъ, быть потомками тѣхъ земледѣльческихъ Скиѳовъ, о которыхъ говоритъ Геродотъ, и въ которыхъ съ большою вѣроятностью можно видѣть начатки Славяно-русскаго племени,—они стремятся на западъ, въ предѣлы культурнаго міра, куда влекли ихъ слухи о богатствѣ и легкости добычи. Передъ ними лежалъ туда открытый путь по Дунайской низменности, тотъ путь, которымъ въ V в. прошли въ Европу Гунны. Отбивая ихъ отъ своихъ порубежій, подчиняя ихъ вліянію своей культуры, какъ то было напр. съ Дунайскими Болгарами, она тѣмъ уже однимъ задерживала ихъ стремленіе на западъ. Но сверхъ того она зорко слѣдила за положеніемъ вещей на Скиѳо-сарматской равнинѣ, и не упускала случая своимъ вмѣшательствомъ такъ или иначе ослабить опасныхъ сосѣдей. При этомъ естественно, что установленіе сколько нибудь прочныхъ государственныхъ союзовъ на восточно-европейской равнинѣ было для нея явленіемъ наиболѣе желательнымъ, ибо они ограждали ее отъ новыхъ ордъ, и принимали первые самые сильные удары. Такою оградою съ VII вѣка является могущественная Казарія, государство съ полуазіатскимъ характеромъ, возникшее на самомъ выходѣ южно-русскихъ степей въ Азію, у подножія Кавказа и на побережьяхъ нижней Волги и Дона. Почти трехъ-вѣковое существованіе этой полудикой державы имѣетъ важное значеніе въ исторіи восточной Европы. Подъ ея защитою окрѣпли Славяно-русскія племена, и съ половины IX в. начинаютъ слагаться подъ властью князей

Рюриковичей, въ государство, которое быстро и прочно утверждается на огромномъ пространствѣ отъ Карпатъ и Дуная до Финскаго залива и низовьевъ Оки. Этотъ новый политическій союзъ является уже съ чисто европейскимъ характеромъ, и съ перваго появленія на исторической сценѣ выказываетъ задатки органической жизни, способность сплотиться въ единый государственный организмъ, образовать единый народъ, призванный къ самообытному развитію въ ряду историческихъ и культурныхъ народовъ. На первыхъ порахъ и онъ явился грознымъ сосѣдомъ Византіи: первое выступленіе Руси на историческую сцену былъ погромъ окрестностей Царяграда въ 865 году. Но сближеніе съ новымъ Римомъ, завязавшаяся съ нимъ торговля, даже враждебныя столкновенія не прошли безслѣдно для молодой богато одаренной народности. Дикаго Славяно-русса IX—X в. привлекалъ къ ней не одинъ только разсчетъ на легкую и богатую добычу. Его манила именно высокая культура, возможность пользоваться плодами цивилизаціи, быть въ постоянныхъ сношеніяхъ и связи съ сосѣдними богатыми землями. „Вотъ середина моей земли“ —говорилъ про Дунайскій Переяславецъ типичный князь вождь дружины, завоеватель Болгаріи, перечисляя, какіе товары сходятся въ Болгарію изъ окрестныхъ земель, отъ Грековъ, Чеховъ, Угровъ и Руси.

Христіанское ученіе, своею высотою и благостью, само по себѣ должно было обаятельно дѣйствовать на мягкую натуру Славяно-руса, а великолѣпіе и торжественность церковнаго ритуала довершали это обаяніе. Уже въ первое столѣтіе своего существова-

нія Русь связуется съ Византіей прочными нравственными узами, которыя окончательно закрѣпляются принятіемъ отъ нея христіанства и подчиненіемъ русской іерархіи Цареградскому патріарху. Но и на будущее время связь эта удержала исключительно нравственный характеръ. Византія оставалась для Руси источникомъ духовнаго свѣта, высшихъ идеаловъ жизни во всѣхъ ея проявленіяхъ; оттуда приносились идеи религіозныя и нравственныя, политическія и соціальныя; изъ Византіи шли знанія и искусства, новыя потребности и новыя формы жизни. Но и заимствованіе, и усвоеніе и переработка заимствованнаго молодымъ народомъ совершались самобытно, безъ ущерба его энергіи и оригинальности, — чѣмъ именно отличается вліяніе на сѣверныхъ варваровъ византійской культуры отъ культуры западно-римской. При такихъ условіяхъ новое христіанское государство естественно примкнуло къ Европѣ и ея цивилизаціи, и приняло враждебное положеніе относительно и дикихъ ордъ и мусульманской образованности Азіи, и немедленно пріобрѣтаетъ значеніе передоваго поста Европы на востокѣ. Уже первые князья открываютъ борьбу съ представителями азіатской культуры, съ Болгарами на Волгѣ, съ Хазарами у Дона и Каспія. Паденіе Хазарскаго царства, результатъ блестящей, но недальновидной дѣятельности Святослава, открыло свободный путь новымъ толпамъ азійскихъ кочевниковъ, и съ тѣхъ поръ русской народъ въ теченіи вѣковъ стоялъ лицомъ къ лицу съ дикими ордами, неустанною борьбою охраняя безопасность Западной Европы въ мрачную эпоху среднихъ вѣковъ.

Это была тяжелая борьба, и дорого обошлась русскому народу. Она имѣла рѣшительное вліяніе на ходъ и складъ его исторіи. Поглощенная ею, ея мелкими и хлопотливыми интересами, Русь уже тогда разобщается съ обще-европейскою жизнью, такъ что не принимаетъ участія даже въ такомъ великомъ народномъ движеніи, охватившемъ всю западную Европу, какимъ были крестовые походы. Они разобщили ее и съ Византіей. Наплывъ Печенѣжскихъ (X в.), а затѣмъ (XI в.) Половецкихъ ордъ отодвинулъ границы русскихъ владѣній отъ предгорья Кавказа къ вершинамъ Оки, Сейма, Ворсклы, отъ Дунайскихъ устьевъ и Днѣпровскаго Бѣлобережья до средняго теченія Днѣстра, Роси и Стугны. Уже къ концу X вѣка середина русской земли и мати градомъ русскимъ князя Олега — Кіевъ — оказывается крайнимъ пунктомъ на южномъ порубежьи государства, а въ XII в. Кіевская земля, къ которой должны были тяготѣть всѣ русскія волости, окончательно принимаетъ характеръ военной границы, съ преобладающимъ воинственнымъ полуосѣдлымъ населеніемъ, Черныхъ Клобуковъ (Торковъ, Берендѣевъ, Коуевъ и др.), которыхъ русская цивилизація успѣла отчасти подчинить своему вліянію, и обратить въ орудіе борьбы съ ихъ дикими сородичами. Степняки не только сами вносили въ южную Русь погромъ и разоренье, но своимъ участіемъ въ княжескихъ усобицахъ увеличивали ихъ раздражительность, и вообще поддерживали анархическій элементъ въ южной Руси. Естественными послѣдствіями постояннаго напряженія, въ которомъ степняки держали южную Русь былъ отливъ мирнаго населенія на болѣе спокойный,

хотя и не столь благодатный сѣверъ. Въ то время, когда плодородныя земли въ южной Руси принимали видъ „дикихъ“ полей, среди которыхъ поднимались городки, занятые псарями да Половцами (по выраженію одного изъ южнорусскихъ князей), на сѣверѣ Руси, въ верхнемъ Поднѣпровьи, въ Новгородской области, на западной Двинѣ, населеніе растетъ и выдвигается на первый планъ въ общемъ развитіи русскаго народа. Кіевъ удерживаетъ еще значеніе центра духовной, умственной и религіозной жизни народа, но уже ни въ чемъ другомъ не можетъ соперничать съ иными русскими городами. Какъ торговый пунктъ, онъ уступаетъ не только Новгороду, но Смоленску и Полоцку; какъ политическій центръ, онъ не выдерживаетъ состязанія съ отдаленнымъ Галичемъ, стольнымъ городомъ князей — изгоевъ, а во второй половинѣ XII в., взятый на щитъ сѣверно-русскою ратью, зависитъ отъ воли и усмотрѣнія представителя сѣверной Руси перваго русскаго самовластца, князя Андрея Боголюбскаго.

Такимъ въ главныхъ чертахъ является воздѣйствіе степнаго кочевого племени на судьбы древне-княжеской Руси. Что касается сущности борьбы съ ними молодаго государства, то она сводится къ хищничеству съ одной стороны, къ самозащитѣ съ другой. Весь интересъ ея заключался въ охранѣ христіанской культуры земледѣльческаго народа отъ разрушительныхъ вторженій кочевыхъ степняковъ. Съ такимъ характеромъ она удержалась и въ народной памяти, и въ лѣтописныхъ преданіяхъ, и въ памятникахъ тогдашней письменности, старавшейся придать ей значеніе религіозной борьбы, борьбы христіанства съ невѣрными Моавитянами,

и связывавшей происхожденіе степняковъ съ тѣми нечистыми человѣками, заклёпанными въ горѣ Александромъ Македонскимъ, которые должны изыти на казнь грѣховному человѣчеству передъ копчиною міра. Древняя Русь коротко узнала ихъ и научилась сводить съ ними счеты. Великій Мономахъ первый провелъ мысль о необходимости наступательнаго движенія на кочевниковъ съ цѣлью ослабить ихъ разореніемъ ихъ городковъ и вѣжъ въ глубинѣ степей. Его сынъ Мстиславъ загналъ Половцевъ за Донъ, за Волгу, за Яикъ. По слѣдамъ этихъ князей не разъ ходили удалыя дружины добывать себѣ чти, а князю славы ... Эти блестящіе походы мало достигали цѣли. Болѣе успѣховъ для успокоенія южной Руси обѣщали мирныя связи, завязывавшіяся съ степными ордами; брачные союзы русскихъ князей съ половецкими ханами, торговыя сношенія, даже русскіе плѣнники, томившіеся въ Половецкой неволѣ, подготовляли мирное распространеніе христіанской цивилизаціи въ глубину степей. Съ другой стороны на сѣверо-востокѣ Русь достигала болѣе прочныхъ результатовъ. И тамъ русскія дружины громили Волжскихъ Болгаръ, но въ тоже время за ними медленно, хотя и незамѣтно для исторіи разливалась по всему востоку русская колонизація въ Заволочьи изъ Новгорода, по Волгѣ изъ Ростова Суздальской области и старинныхъ Кривскихъ земель. Она желѣзнымъ кольцомъ стягивала владѣнія Камскихъ Болгаръ съ сѣвера и запада, подготовляя путь въ богатое Зауралье. Въ послѣдней четверти XII вѣка Новгородскіе выходцы стали твердою ногою на Вяткѣ, — а въ первой четверти XIII-го, для защиты и поддержки русскаго и обрусѣв-

шаго поволжскаго населенія, былъ поставленъ Нижній Новгородъ, на устьи Оки, на предѣлахъ Мордовскихъ.

Въ такомъ видѣ представляются намъ отношенія Руси къ азіатскимъ сосѣдямъ, когда въ XIII в. надъ нею разразилась страшная гроза — татарскаго погрома. Татары послѣдними изъ всѣхъ азіатцевъ воспользовались историческимъ путемъ черезъ южно-русскія степи, и нашествіе ихъ можно дѣйствительно назвать роковымъ девятымъ валомъ въ приливѣ азійцевъ. Казалось все соединилось, чтобы сдѣлать эту орду неотразимымъ для цивилизаціи бичемъ Божьимъ. Это была дикая, воспитанная степной и боевой жизнью сила народныхъ массъ, — безъ всякихъ высшихъ стремленій, кромѣ жажды добычи и самаго грубаго славолюбія; но сила, дисциплинированная безотвѣтнымъ повиновеніемъ военачальникамъ, сконцентрированная въ рукахъ монарха, повелителя всей Средней Азіи отъ Амура до Пекина и Самарканда, и направляемая его всемогущею волею. По своему политическому развитію, она несомнѣнно стояла выше разрозненныхъ ордъ, до нея господствовавшихъ въ южно-русскихъ степяхъ. Дикая наружность, привычка къ боевому труду и лишеніямъ, страшный навыкъ къ оружію, гордая самоувѣренность, презрѣнье къ инородцамъ, безпощадность къ покореннымъ,—возведенная въ правило, ибо „плодъ пощады—сожалѣніе“, опустошительный способъ войны, единственная цѣль которой истребленіе, грабежъ и порабощеніе, и полный индеффферентизмъ къ высшимъ вопросамъ жизни, — таковы черты, съ которыми явилась эта орда въ Европу во исполненіе завѣта,

оставленнаго ея основателемъ Чингизъ-ханомъ, покорить по возможности всѣ народы.

Русскія земли были безсильны остановить эти грозныя полчища, но тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что онѣ задержали ихъ дальнѣйшій разливъ на западъ. И на этотъ разъ Русь осталась вѣрна своему историческому призванію — быть оплотомъ цивилизаціи, хотя тутъ потребовались великія жертвы, даже самоотверженіе. Цвѣтъ южно-русской силы палъ въ битвѣ съ передовымъ отрядомъ Татаръ на р. Калкѣ, палъ, благодаря раздѣленію и ссорамъ князей. Въ роковые 1237 — 40 года для опустошенія сѣверной Руси потребовалось два похода: русскіе князья дѣйствовали разрозненно, гибли съ своими дружинами въ безплодныхъ попыткахъ остановить врага въ открытомъ полѣ; населеніе вырѣзывалось, если только не успѣвало скрыться въ лѣсахъ, къ счастію, представлявшихъ здѣсь довольно безопасный пріютъ; города, послѣ мужеской защиты, брались на щитъ, и безпощадно вырубались и выжигались; о покорности не было рѣчи, ибо она не спасала отъ гибели. Остатки военныхъ силъ, собранныхъ великимъ княземъ Юрьемъ въ дальнемъ углу верхняго Поволжья, были истреблены въ несчастной битвѣ на р. Сити. Еще печальнѣе была участь южной Руси, гдѣ въ безлѣсной почти равнинѣ татарскія полчища дѣйствовали свободнѣе. Здѣсь они не встрѣтили даже попытокъ къ отпору въ открытомъ полѣ; мелкіе князья запирались въ городкахъ и погибали въ безполезной защитѣ ихъ съ своими вѣрными дружинниками и населеніемъ; болѣе сильные князья бѣжали въ Польшу и Венгрію. Такимъ образомъ толь-

ко черезъ окровавленныя развалины Руси, Татары могли перешагнуть на западъ Европы, гдѣ уже не трудно было остановить ихъ, только показавъ готовность къ отпору.

На низовьяхъ Волги, на территоріи бывшей Казаріи, осѣла эта могущественная орда по окончаніи походовъ, и оттуда, сохраняя связь съ великими ханами въ глубинѣ Азіи, стала распоряжаться судьбами своего новаго улуса. Вопросъ о вліяніи ея на историческую жизнь русскаго народа еще во многомъ остается открытымъ; но кажется несомнѣннымъ, что вообще для востока Европы Золотая орда имѣетъ значеніе внѣшней матеріальной силы, которая только направляетъ и объусловливаетъ ходъ событій, не касаясь ихъ внутренняго смысла, и которой прямое воздѣйствіе ограничивается нѣкоторыми очень не многими матеріальными условіями быта. Первыми и самыми важными послѣдствіями Татарскаго погрома восточной Европы было обособленіе западно-русскихъ земель подъ властью князей Литовской династіи, — на пять вѣковъ раздѣлившее русское племя; затѣмъ паденіе политической независимости Галичины, ослабленной Татарами, и ставшей легкимъ, но важнымъ пріобрѣтеніемъ для Польши,—фактъ существенной важности въ Польской исторіи; ибо въ этомъ пріобрѣтеніи Польша нашла новыя средства для борьбы съ Германскимъ міромъ, который уже началъ свое историческое движеніе на востокъ, и, распространяясь политически и этнографически на счетъ западнаго славянства, а съ другой стороны овладѣвъ южнымъ побережьемъ Балтійскаго моря, съ запада и сѣвера стѣснилъ ее чуть не

въ размѣры теперешняго Царства. Черезъ Галичину открылся ей путь и къ политическому союзу съ Литвою, и къ господству въ богатомъ Подиѣпровьи. Пріобрѣтеніе Казиміра Великаго обусловило въ будущемъ возможность блестящаго золотаго вѣка Сигизмунда Августа и эпохъ военной славы Поляковъ — временъ Баторія и Яна Собѣскаго. Что касается сѣверо-восточной Руси, въ теченіи двухъ съ половиною вѣковъ, находившейся въ непосредственномъ подчиненіи Золотой орды, — то непосредственные слѣды татарскаго вліянія на нее замѣчаются только въ весьма естественномъ огрубѣніи народа, въ заимствованіи нѣкоторыхъ формъ административнаго и военнаго устройства, въ расширеніи торговыхъ сношеній съ востокомъ. Но какъ мало оно коснулось сущности народной жизни, внутренняго смысла, доказываетъ словарь живаго русскаго языка. Иначе не могло и быть. Утвердившись внѣ предѣловъ покоренной Руси, орда довольствовалась покорностью побѣжденныхъ народовъ, не заботясь о томъ, насколько эта покорность согласуется съ духовными стремленіями народа, его исторіей и бытомъ; да степные политики едва-ли и затрогивали эту сторону вопроса. Они довольствовались тѣмъ, что русскіе князья являлись въ орду съ тяжелыми поминками хану, его женамъ, дѣтямъ, князьямъ, мурзамъ и уланамъ; что соблюдали унизительные обряды, установленные степнымъ этикетомъ; что по ихъ приказу они водили свои дружины на ханскую службу; что ханскіе послы, баскаки, численники, и другіе чины, наѣзжавшіе по временамъ въ Русь, встрѣчались съ почотомъ, и могли безопасно предаваться всякому глумленію надъ покореннымъ и без-

отвѣтнымъ народомъ; что ихъ хищническія шайки могли безнаказанно грабить, гдѣ и что угодно ...Они доводили увѣренность въ прочности своего господства надъ Русью до безпечности, и не находили даже нужнымъ установить сколько нибудь постоянный надзоръ надъ тѣмъ, что дѣлается въ глубинѣ отдаленнаго улуса. Причины такой довѣрчивости можно указать отчасти въ дальновидной политикѣ тѣхъ русскихъ князей, которымъ пришлось устанавливать отношенія къ завоевателямъ — Ярослава Всеволодовича и сына его Невскаго, и ихъ послѣдователей Московскихъ князей, осторожныхъ собирателей Руси, отчасти въ справедливомъ разсчетѣ орды на раздоры русскихъ князей между собою, которые дѣйствительно не разъ предупреждали хановъ объ опасныхъ замыслахъ своихъ родичей соперниковъ, отчасти въ самомъ характерѣ ордынскаго государства, которому была суждена судьба, общая всѣмъ азійскимъ монархіямъ — распаденіе съ такою же быстротою, съ какою они возникали и достигали своего крайняго могущества.

Трудно было степнякамъ услѣдить за ходомъ жизни надломаннаго, но не убитаго народа, а уже къ концу перваго столѣтія ихъ господства надъ Русью во внутреннихъ отношеніяхъ завоевателей и покоренныхъ совершилась перемѣна,—и перемѣна не въ пользу завоевателей. Въ половинѣ XIV вѣка ясно обозначилось то новое направленіе въ исторіи Руси, которое наши лѣтописатели такъ удачно обозначили словами „собираніе земли“. Выразителями и дѣятелями этого направленія являются великіе князья Московскіе. Здѣсь не время разсматривать причины и обстоятель-

ства ихъ возвышенія. Скажу только, что, по мимо личныхъ качествъ потомства Данила Московскаго, которымъ въ дѣлѣ такъ называемаго возвышенія Москвы, приписывается, кажется, слишкомъ большая роль, — новое направленіе нашло орудіе въ новомъ значеніи великаго князя, какъ представителя верховной власти надъ всею Русью. Я далеко не раздѣляю мнѣнія, высказаннаго высокоуважаемымъ наставникомъ моимъ, нашимъ знаменитымъ историкомъ—художникомъ, Н. И. Костомаровымъ, о томъ, что Московскіе великіе князья усвоили себѣ верховную власть съ характеромъ единодержавія преемственно отъ хановъ Золотой орды. Единодержавіе зародилось и возросло на русской почвѣ, подъ сильнымъ вліяніемъ церкви и византійской культуры, и было нечуждо даже древней княжеской Руси. Вспомнимъ великаго Романа Галицкаго, „самодержца бывша всея Руси“, Андрея Боголюбскаго, на котораго жаловался одинъ изъ его родичей южно-русскихъ князей, что онъ присылалъ къ нему съ рѣчами, не какъ къ князю, но „акы къ подручнику и просту человѣку“; вспомнимъ наконецъ брата Андреева, Всеволода „Большое Гнѣздо“, котораго слово рѣшало участь князей въ дальней Галичинѣ. Но нѣтъ сомнѣнія, что отношенія, сложившіяся на Руси въ слѣдствіе господства Татаръ, открыли новыя средства къ выработкѣ государственнаго понятія о великокняжеской власти, и именно въ томъ, что титулъ великаго князя Владимірскаго, и соединенныя съ нимъ права на Володимірскую область и, кажется, даже на Новгородъ, равно какъ и право посредничества между всѣмъ русскимъ улусомъ и ордою, были отвлечены отъ

вотчинныхъ правъ Русскихъ князей вообще, и раздавались ордою по усмотрѣнію, независимо отъ наслѣдственныхъ правъ, и родовыхъ счетовъ Рюриковичей. При этомъ государственное значеніе великокняжеской власти впервые получило опредѣленность и выдѣлилось изъ понятія о князѣ, какъ о вотчинникѣ, господинѣ или господарѣ (хозяинѣ) своей волости. Князей вотчинниковъ, называвшихъ себя великими, было много: кромѣ Московскихъ, и Смоленскіе, и Рязанскіе, и Тверскіе, и Суздальско-Нижегородскіе князья писались великими; но въ сущности только тому изъ нихъ, кто получалъ ярлыкъ на великое княженіе Володимірское, принадлежало дѣйствительно главенство на Руси, только онъ, какъ представитель и отвѣтственное лицо за всю Русь, стоялъ выше другихъ, и въ глазахъ Татаръ, и въ глазахъ самихъ князей и народа. Московскіе князья почти съ начала XIV вѣка удержали за собою титулъ великаго князя въ этомъ новомъ значеніи, и уже Іоаннъ Калита дѣлаетъ къ нему знаменительную прибавку „всея Руси“—которая не остается пустымъ словомъ. Москва дѣйствительно получила значеніе государственнаго центра; въ нее перешло управленіе митрополіи всей Руси; въ ней начинаютъ сосредоточиваться святыни, которыми дорожитъ весь русскій міръ, обстоятельство, тѣмъ болѣе важное, что это было время наибольшаго религіознаго возбужденія сѣверо-восточной Руси, вѣкъ дѣятельности знаменитаго насадителя монашества, Сергія Преподобнаго. Вокругъ Московскаго великаго князя собирались сильные бояре, и тѣсно связали свою судь-

Гос. ... т
НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА
им. Горького

бу съ его личнымъ величіемъ и успѣхомъ: они отстояли права малолѣтняго Дмитрія Ивановича, будущаго героя Донской битвы, отъ притязаній князей Суздальскаго и Тверскаго; къ нему шли на службу князья Рюриковичи, владѣльцы мелкихъ удѣловъ на сѣверѣ, которымъ не по плечу приходилась тягота самостоятельнаго положенія князя вотчича; изъ южной и западной Руси шли бояре съ многочисленными дружинами, уцѣлѣвшіе отъ татарскаго и литовскаго погрома, а позднѣе князья Гедиминовичи, гонимые изъ своей отчизны неудачами въ усобицахъ, — затѣмъ выходцы изъ Пруссовъ, Нѣмцевъ, Польши. — Всегда и вездѣ народное сознаніе естественно тяготѣетъ къ сильному центру; а вторая половина XIV в. является именно эпохой пробужденія народнаго сознанія, которое связуетъ всѣ свои надежды на лучшее будущее съ Москвою. На сколько сильно было это сознаніе, какъ обязательно было для князей считаться съ народнымъ мнѣніемъ, показываетъ весь ходъ тогдашнихъ событій; достаточно вспомнить напр., что соперникъ Московскаго князя Михаилъ Тверской, выхлопотавши въ ордѣ ярлыкъ на великое княженіе не рѣшился однако взять въ помощь татарскій отрядъ, какъ ему предлагали ордынскія власти, и все таки не избѣгнулъ нареканій за то, что наводилъ на Русь Литву и Татаръ. Какъ высоко стояла Москва въ глазахъ народа, видно изъ подробностей борьбы этого князя съ Донскимъ. Областная особность, которую сохраняли еще на сѣверѣ Руси Новгородъ, Тверь, Рязань и Суздальско-Нижегородское княжество, слабѣла подъ напоромъ новаго объединительнаго направленія, и поддерживалась ис-

кусственно тѣми общественными элементами, которымъ важно было ея сохраненіе, — т. е. князьями и связанными съ ними боярами (Новгородъ составляетъ исключеніе). Но эти земли отказались уже отъ наступательныхъ дѣйствій противъ Москвы, и стоило только на ея стѣнахъ явиться знамени во имя высшихъ интересовъ земли, во имя цѣлости и свободы церкви и народа, областная особность должна была исчезнуть.

Такое знамя было поднято въ XIV в. самимъ народомъ на всемъ пространствѣ Русскихъ земель. Послѣ батыева погрома прошло слишкомъ сто лѣтъ; поколѣнія, не только помнившія этотъ погромъ, но и воспитанныя въ его страхѣ, сошли въ могилу. Жизнь принадлежала новымъ людямъ, которые освоились съ ордою, узнали ея сильныя и слабыя стороны, прошли подъ ея руководствомъ военную школу, и которымъ татаринъ былъ уже не страшенъ. Это поколѣніе помѣрилось уже силами съ грознымъ сосѣдомъ, Литвой, и могло разсчитывать на возможность успѣшной борьбы и съ ордою. Между тѣмъ когда то могущественная и единая орда Батыя, слѣдуя общему историческому закону восточныхъ державъ, быстро шла къ упадку. Связь съ Азіей, дѣлавшая ее столь непобѣдимою, порвалась, а смерть хана Джанибека, при которомъ по словамъ лѣтописца, была великая льгота Русской землѣ (1357), открываетъ эпоху смутъ и разложенія. Соискатели ханскаго престола разрываютъ орду кровавыми усобицами; въ теченіи 10—12 лѣтъ смѣняется болѣе пятнадцати хановъ;—въ тоже время изъ нея выдѣляются независимыя орды. Волжская, собственно Зо-

лотая, распадается между двумя соперниками, и одною изъ нихъ правитъ знаменитый темникъ Мамай, впрочемъ не стѣсняясь смѣнять своихъ номинальныхъ владыкъ. Далѣе образуются отдѣльныя орды Яицкая, на Уралѣ, Шибанская—за Ураломъ, въ Сибири, ближе къ Руси—Булгарская Булатъ-Хана на Камѣ, Наврачатская Тагай-Хана—въ Мордовской землѣ, по сосѣдству съ Нижнимъ Новгородомъ. Расчлененіе орды, борьба и постепенная смѣна хановъ спутываютъ уже установившія отношенія къ ней Руси, и подрываютъ авторитетъ завоевателей. Является возможность не слушать приказаній, въ надеждѣ отговориться недоразумѣніемъ, или въ разсчетѣ на безпаказанность, на подкупность ордынскихъ властей. Уже отецъ Донскаго, — повидимому смиренный данникъ хана, не послушался приказа ордынскаго посла на счетъ установки границъ между Москвой и Рязанью (1358). Когда Тверской князь съ ханской грамотой на великое княженіе, въ сопровожденіи ханскаго посла, явился въ Русь, то Димитрій, закрѣпивъ за собою бояръ и черныхъ людей, и приготовивъ рать, на приказъ ханскаго посла — ѣхать во Владиміръ слушать грамоту, отвѣчалъ: „къ ярлыку не ѣду, Михайлу на княженье не пущу, а тебѣ, послу, путь чистъ“, — а затѣмъ самъ ѣздилъ въ орду и лично уладилъ дѣло. Еще сильнѣе возбуждала надежды на возможность успѣшной борьбы съ Татарами, ихъ недальновидная политика — вмѣшивать русскихъ въ свои внутреннія усобицы, и ихъ силами рѣшать свои споры и счеты. Такъ въ 1370 году Нижегородскія рати ходили съ ханскимъ посломъ на Булгарскую орду, и перемѣнили ей князя. При такомъ порядкѣ ве-

щей частныя нападенія на Русь хищническихъ шаекъ, которые естественно умножались съ расчлененіемъ орды, теперь не проходили по прежнему безнаказанно; имъ давали отпоръ и по большей части успѣшный. Въ 1365 году Рязанскіе князья побили мордовскаго князя Тагая, возвращавшагося въ степь съ добычей, награбленной въ Рязанской области; самъ Тагай едва ушелъ съ небольшою дружиной. Черезъ два года Булгарскіе татары отбиты отъ Нижняго Новгорода; еще позднѣе самъ великій князь выводитъ сильные полки на Оку рѣку, для отраженія Мамаевой орды, разорявшей тогда Рязань. Успѣхъ обороны велъ къ наступленію. Въ 1376 г. Московскій воевода Дмитрій Михайловичъ Волынскій беретъ приступомъ Казань и сажаетъ въ ней московскаго сборщика податей (дорогу) и таможенника. Въ слѣдующемъ году Нижегородцы идутъ на Мордву, мстятъ за пособничество татарамъ; земля ихъ опустошена, плѣнная Мордва казнена: травлена на льду псами. Вмѣстѣ съ тѣмъ обнаруживаются страшныя вспышки народнаго раздраженія противъ поработителей. Въ 1374 году Нижгородцы перерѣзали полторы тысячи татаръ, приведенныхъ ханскимъ посломъ Сарайкою.

Вѣсти, приходившія въ орду о повсемѣстномъ движеніи Руси, наконецъ образумили ее. Во главѣ ея становится Мамай,— человѣкъ, судя по немногимъ извѣстіямъ о немъ нашихъ лѣтописей, выходившій изъ ряду тогдашнихъ дѣятелей татарскаго міра. Въ теченіи долгаго времени онъ распоряжался ордою, сводилъ и низвергалъ хановъ, именемъ которыхъ правилъ, довольствуясь саномъ темника. Этотъ темникъ первый

замѣтилъ опасность со стороны Руси, и думалъ систематическимъ разореніемъ порубежныхъ областей привесть въ покорность забывшійся улусъ. Разсчетъ оказался невѣрнымъ. Разореніе Нижняго Новгорода и его уѣзда не перемѣнило положенія дѣла, а посланные имъ полки на Рязань, были встрѣчены и истреблены въ битвѣ на р. Вожѣ въ Рязанской области, и не Рязанскимъ княземъ, а великимъ княземъ Московскимъ (1378). Стало ясно, что противъ этихъ частныхъ мѣропріятій орды стояла уже сплоченная Русь, что для возстановленія пошатнувшагося авторитета орды необходимо ей напомнить времена Батыя, и новымъ общимъ разореніемъ русскихъ земель научить непокорныхъ держать имя Татаръ „честно и грозно, по старинѣ“. Теперь Мамай самъ принимаетъ ханство, и собравши всѣ силы орды двинулъ ее на Русь.

Но старина миновалась. Дикая неодолимая сила, съ которой полтора вѣка тому назадъ батыевы полчища заняли востокъ Европы, ослабѣла. „Орда оскулѣла, мощь изнемогла“, говорили татарскіе вожди на совѣтѣ, обсуждавшемъ походъ на Русь. Наемныя рати Генуэзцевъ, Ясовъ, Черкесовъ не могли возмѣстить этого оскудѣнія. Съ другой стороны противъ Татаръ выходили уже не слабые отряды разрозненныхъ князей вотчинниковъ; а подъ чернымъ великокняжескимъ знаменемъ, съ золотымъ образомъ Спаса, стояла вся Русская земля, какая только могла собраться послѣ столькихъ пораженій и при такихъ грозныхъ обстоятельствахъ.

Обѣ враждебныя рати сошлись на тогдашней русской украйнѣ, на Куликовомъ полѣ, ровно 500 лѣтъ тому назадъ, и можетъ быть, въ то самое время, когда

я имѣю честь говорить передъ вами, дѣло уже рѣшалось въ пользу чернаго великокняжескаго знамени.

Позволяю себѣ думать, что изложенное мною въ возможно сжатомъ очеркѣ даетъ достаточно данныхъ для опредѣленія настоящаго значенія этой знаменитой битвы и въ исторіи нашего отечества и въ исторіи вообще цивилизаціи. Въ заключеніе я считаю возможнымъ ограничиться немногими замѣчаніями. Битва эта вызвала общее возбужденіе патріотическаго чувства въ народѣ. „Извѣстіе о побѣдѣ столь рѣшительной, говоритъ исторіографъ Карамзинъ произвело, восхищеніе неописанное. Казалось, что независимость, слава и благоденствіе нашего отечества утверждены ею на вѣки, что орда пала и не возстанетъ, что кровь христіанъ, обагрившая берега Дона, была послѣднею жертвою для Россіи, и совершенно умилостивила Небо. Всѣ поздравляли другъ друга, радуясь, что дожили до временъ столь счастливыхъ, и славили Димитрія, какъ втораго Ярослава Великаго и новаго Александра, единогласно назвавъ его Донскимъ, а Владиміра Андреевича Храбрымъ, и ставя Мамаево побоище выше Алтскаго и Невскаго“.

Эта радость, это ликованіе были преждевременны. Еще цѣлое столѣтіе сѣверная Русь осталась въ формальномъ подчиненіи азіатской ордѣ; за это время Москва была два раза взята и разорена Татарами. Послѣ Куликовской битвы прошло еще четыре столѣтія прежде чѣмъ русскій народъ, въ лицѣ великой Императрицы, покончилъ счеты съ Азіей на восточно-европейской равнинѣ, и во имя интересовъ цивилизаціи и порабощенныхъ культурныхъ народовъ, Грековъ

и Славянъ, перенесъ ее на территорію бывшей Византійской имперіи, которая меньше чѣмъ черезъ сто лѣтъ послѣ Куликовской битвы пала подъ ударами Турокъ, новой могущественной азіатской орды, на этотъ разъ сплоченной религіознымъ фанатизмомъ, и утвердившейся въ Европѣ подъ знаменемъ Магомета. Но тѣмъ не менѣе именно Куликовская битва представляетъ поворотный пунктъ въ ходѣ этой долговременной и тяжолой борьбы. Она освятила зарождавшееся объединеніе Руси, и основы новаго государственнаго ея строя, — и съ нея начинается или, вѣрнѣе сказать, возобновляется поступательное движеніе Русскаго государства и Русскаго народа на востокъ. Завоеваніе Казани и Астрахани, покореніе и заселеніе Сибири до Тихаго океана, разореніе Крымской орды и гражданственное устроеніе тѣхъ степей, по которымъ въ теченіи многихъ вѣковъ двигались вѣжи и неисчислимыя стада азійцевъ, успѣхи въ Средней Азіи, освобожденіе Балканскихъ славянъ,—все это политическое и этнографическое распространеніе Русскаго народа ведетъ свою исторію съ Куликовской битвы. Причины его успѣховъ коренятся въ жизненности и крѣпости тѣхъ началъ, которыхъ пробужденіе подняло порабощенную Русь и привело къ этой битвѣ,—въ жизненности и крѣпости народнаго сознанія и единства.

Варшава 8 (20) Сентября 1880 г.

Лен. Гос. ... т
ПУЧНАЯ БИБЛ...
им. Горького

-50K